

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 327+94(520)

М. Н. Малашевская

МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ МИД ЯПОНИИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ВСТРЕЧ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ в 1997–1998 гг.

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Анализируются методы работы японского МИД на примере подготовки и проведения российско-японских официальных и неофициальных переговоров на высшем уровне в 1997–1998 гг. Рассмотрены концептуальные основы японской дипломатии и такие методы, как «дипломатия лицом к лицу», тактика «странения», метод «ловушки», подготовка премьер-министра Японии к переговорам с российским президентом. Библиогр. 30 назв.

Ключевые слова: «встречи без галстуков», «дипломатия лицом к лицу», «каванское предложение», МИД Японии, Хасимото Рютаро, Обути Кэйдзо.

JAPAN'S MOFA DIPLOMACY METHODS DURING THE JAPAN-RUSSIA HIGH-LEVEL NEGOTIATIONS OF 1997–1998

M. N. Malashevskaya

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article concerns the problem of the methods of Ministry of Foreign Affairs toward Russia, based on the experience of the 1997–1998 official and unofficial negotiations. The author represents MOFA's main diplomatic conceptions and tactics with respect to Russia: "face to face diplomacy", "strangling" tactics, and "trap" method. This research is based on the memoirs of diplomats and politicians, involved in the private negotiations between Russian and Japanese authorities. Deputy Suzuki Muneo, diplomats Togo Kazuhiko and Sato Masaru, who wrote these memoirs, were the leaders of a diplomatic group specialising in Russia. They had a great impact on the negotiations process between president Yeltsin and prime-minister Hashimoto. These diplomats participated in the formulation of strategic diplomatic conceptions (multi-level approach, Eurasian diplomacy), that prepared the ideological basis for the negotiations from the Japanese side and created tactics and methods to make the meetings with Russian president more fruitful for Japanese national interests. Refs 30.

Keywords: "no-tie meetings", "face to face diplomacy", "Kawana proposal", Japan MOFA, Hashimoto Ryutaro, Obuchi Keizo.

Для Японии начало 1990-х годов стало поворотным моментом, сосредоточением внешних и внутренних вызовов. На фоне перестройки международно-поли-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

тического порядка в связи с распадом биполярной системы мироустройства для Японии возникла острая необходимость поиска нового места в новой системе. В то же самое время японское государство столкнулось с необходимостью преодоления экономического кризиса, связанного с крахом «экономики мыльного пузыря», кризисом внутривластной системы, вызванной падением доверия к правящей политической элите в лице Либерально-демократической партии Японии и отстранением ее от власти в период 1993–1996 гг.

В условиях концентрации разнообразных вызовов 1990-х годов правительству Страны восходящего солнца, как считают эксперты, был брошен и «российский вызов». Достойный «ответ» на этот вызов потребовал от японского правительства аккумуляции усилий и серьезной интеллектуальной творческой работы. Американский историк японского происхождения Хасэгава Цуёси отметил парадоксальное обстоятельство: «Привыкнув к комфортным условиям периода “холодной войны”, имея гарантии безопасности США, Япония медленно осознавала перемены, связанные с формированием нового мирового порядка» [1, с. 58–59]. В этот сложный период исторического надлома японским политическим, научным кругам и широкой общественности пришлось осознавать новую складывающуюся мировую ситуацию, контуры которой на тот момент были не определены [2, с. 579]. Переход к новой политике произошел не в одночасье в 1991 г., поскольку в японском правительстве и обществе в целом по инерции продолжала сохраняться ассоциация Российской Федерации с СССР. Осознание, что Япония отныне имела дело с новым, никогда ранее не существовавшим демократическим государством, разделявшим с Японией общие ценности, происходило постепенно. Вместе с этим развитие двусторонних отношений переходило на новую ступень. Как отмечал в этой связи известный японский историк Вада Харуки, этому способствовало «появление новых взглядов» в российском и японском внешнеполитических ведомствах [3, с. 11].

Концептуальные основы политики Японии на российском направлении во второй половине 1990-х годов

С возвращением ЛДПЯ к власти в 1996 г. был сформулирован новый стратегический подход в отношении России, который пришел на смену прежней «концепции расширяющегося равновесия» (какудай кинко:) [4, с. 126–128], применявшейся с 1989 г. и ставшей неактуальной в новых условиях. В 1996 г. была сформулирована «концепция многоуровневого подхода» (дзю:дзо:тэки апуро:ти) [3, с. 362], в основу которой легла идея о формировании более сложной структуры политики на российском направлении. В рамках этого подхода предполагалось развитие всего комплекса двусторонних отношений с Россией — экономических, политических, международно-политических — на новом уровне. Однако приоритетное место в этой концепции продолжали сохранять «территориальный вопрос» и предъявление претензий российскому правительству относительно южных островов Курильского архипелага.

Данный подход укладывался в общую внешнеполитическую линию правительства Японии, заявленную премьер-министром Хасимото Рютаро на пятьдесят первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 1996 г.). В заявлении под-

черкивалось, что политика Японии будет базироваться на трех «столпах»: 1. Поддержание мира и стабильности во всем мире. 2. Обеспечение процветания и его защита. 3. Обеспечение безопасности и благосостояния людей на глобальном уровне [5]. Вопрос безопасности в отношениях с Россией укладывался в рамки общей стратегии обеспечения безопасности, которой придерживалась Япония на международной арене. Вторым важным моментом — «нарастающая экономическая взаимозависимость в связи с глобализацией» [5]. Этим обстоятельством обусловлены многочисленные заявления официального Токио о необходимости и готовности к повороту в сторону наращивания экономического взаимодействия с Россией на пороге XXI в., нашедшие отражение в «концепции многоуровневого подхода». Таким образом, первым этапом выработки политики Японии на российском направлении стало формулирование общих принципов, в рамках которых наметилось сближение с Россией.

В июле 1997 г. премьер-министр Хасимото выступил перед японскими предпринимателями с заявлением, в котором была сформулирована «Евразийская дипломатия со стороны Тихого океана» (тайхэйё: кара митаю:радзиа гайко:), заключающаяся в наращивании связей со странами Восточной, Центральной Азии, Кавказом и Россией [6]. Этому предшествовала встреча главы японского правительства с его российским визави и президентом России на площадке саммита «Группы семи» в Денвере. Результатом встречи стало формулирование общих взглядов в преддверии предстоящих двусторонних переговоров. Стороны договорились о том, что будут проведены встречи неофициального характера [7]. Премьер-министр России Е. М. Примаков озвучил идею о том, чтобы направить совместные усилия на экономическое освоение южных Курильских островов [8, с. 105]. Российский президент со своей стороны дал понять, что правительство России не намерено идти на территориальные уступки [9, с. 88]. Таким образом, российская политическая верхушка и глава японского правительства выделили опорные пункты предстоящих переговоров. Соответственно, японская сторона смогла собрать сведения о предпочтениях российского руководства и готовилась к намеченной двусторонней встрече, учитывая полученные данные. Такая методика в японской практике называется «нэмаваси» («окапывание корней») и ставит своей целью предварительное согласование позиций сторон [10, с. 185–189].

Подобная практика применяется не только в Японии, но и в других культурах во время деловых и дипломатических переговоров [11, с. 7–8]. Она позволяет сформировать повестку переговоров, обмениваться информацией, прощупать почву и прийти к предварительным договоренностям. Затем на основе этих данных формулируются «план переговоров» и «предложения».

Основные игроки на российском направлении в японском правительстве

Несомненно, МИД Японии — один из основных игроков на российском направлении политики этой страны. В МИД вопросами, связанными с Россией, занимается отдел России в Европейском департаменте, который носит неформальное название «русская школа» («русисты»). В середине 1990-х годов наиболее влиятельными дипломатами в этой области были Тамба Минору, Хёдо Нагао, Того Кадзухико, молодые дипломаты Сато Масару, Кавата Акио. Они занимались формулирова-

нием концепций и предложений, сбором информации и кропотливой подготовкой переговоров.

В то же время следует отдавать отчет в том, что руководили МИД не столько кадровые дипломаты, сколько политики из команды премьер-министра, которые, как считалось, обладали обширными связями в политических и предпринимательских кругах, что позволяло им наиболее эффективно проводить внешнеполитический курс и обеспечивать «адекватное» финансирование работы МИД.

В 1997–1998 гг., в период активизации российско-японского переговорного процесса, в японском парламенте выдвинулась консервативная фракция ЛДП, которую возглавлял Обути Кэйдзо. Когда ЛДПЯ вернулась к власти в 1996 г., премьер-министр был избран из членов этой фракции, а ее глава стал министром иностранных дел. Именно в этот период проявляется «феномен Судзуки» (Судзуки Мунэо, депутат нижней палаты парламента от Хоккайдо, член фракции Обути Кэйдзо в правящей ЛДП, который на протяжении более десяти предшествовавших лет специализировался на развитии связей северных районов Японии и дальневосточных районов России, являлся участником переговоров с российской стороной). В 1996–1997 гг. Судзуки Мунэо занимал пост директора агентства по делам Окинавы и «северных территорий» в кабинете Хасимото Рютаро [12], имел близкие дружеские отношения с Обути Кэйдзо и обладал неформальными каналами внедрения своих предложений в политических и административных структурах.

Еще в конце 1980-х годов Судзуки Мунэо познакомился с Того Кадзухико, Сато Масару и другими дипломатами «русской школы», что позволило им обмениваться мнениями и выработать принципы ведения переговоров с Россией. Они придерживались сходных взглядов: 1) неоспоримая необходимость развития диалога с Россией; 2) поиск эффективного решения «территориального вопроса» [4, с. 151, 326–328; 13, с. 193–202]. В конце 1990-х годов они выдвинули несколько возможных вариантов, ни один из которых осуществлен не был. Тем не менее в японском правительстве сформировалась спайка дипломатов и политиков, которые совместными усилиями стремились достичь поставленных целей на российском направлении¹.

Тактика неформальных переговоров: дипломатия лицом к лицу

В начале 1990-х годов Судзуки Мунэо во время встречи с Сато Масару сформулировал новую для российского направления тактику — «дипломатия лицом к лицу» [13, с. 167]. В работе специалиста по менеджменту доктора экономических наук Л. Лестера «Переговоры с дьяволом: русские и американцы» отмечен один из наиболее эффективных методов ведения переговоров с представителями русской культуры — это неофициальные переговоры в неформальной обстановке [14]. Именно эту особенность российской деловой культуры уяснил дипломат Сато Масару, работавший в посольстве Японии в Москве в 1987–1995 гг., говоривший и писавший по-русски на высоком уровне и прекрасно овладевший навыками общения

¹ Они составили костяк так называемой (в японских источниках) «группы Судзуки» — неформального объединения единомышленников из числа политиков и дипломатов, которые считали, что Россия, как сопредельное государство, должна занять место полноценного экономического и политического партнера Японии в XXI в.

с российскими политиками. Он преподнес эту идею Судзуки Мунэо в начале 1990-х годов и Того Кадзухико в 1994 г., когда его направили в посольство Японии в качестве посланника. Сато Масару предложил Того Кадзухико список из пятидесяти фамилий российских политиков и предпринимателей, с которыми тому следовало наладить тесные связи [4, с. 195–196]. Того Кадзухико писал о том, что он лично приложил немало усилий для установления контактов в России. Сато Масару познакомил его с Г. Э. Бурбулисом, на тот момент одним из ближайших соратников президента России. Того Кадзухико считал его опорой для японской дипломатии, ставившей своей конечной целью получение у России южных Курильских островов [4, с. 197].

Японские дипломаты и политики стремились осуществлять *дипломатию лицом к лицу* как с деятелями либерального толка (партия «Яблоко»), так и с консерваторами, каковыми они рассматривали членов ЛДПР и КПРФ [4, с. 199–200]. Сато Масару писал даже об уникальном месте японского посольства в Москве в 1990-е годы, которое смогло сохранить связи и со старыми элитами и завязать отношения с новыми [15, с. 378]. Через сеть личных связей японские дипломаты вербовали российских политиков и продвигали выгодные Японии идеи относительно «территориальной проблемы». Таким образом они подготавливали почву перед новым раундом переговоров на высшем уровне, которые прошли в 1997–1998 гг.

Другой гранью *дипломатии лицом к лицу* стала линия, которая проводилась Судзуки Мунэо на Курильских островах и Дальнем Востоке России. С 1995 г. он активно посещал этот регион России и установил личные контакты с местной элитой [13, с. 175–176]. Надо подчеркнуть, что японский политик значительно преуспел в этом направлении и смог в 1990-е годы приобрести авторитет среди местного населения. Таким образом, следует признать, что по многим параметрам *дипломатия лицом к лицу* продемонстрировала свою эффективность.

Существовало еще одно важное обстоятельство: до образования Российской Федерации подобная дипломатия была не востребована, поэтому применение этой тактики можно с полной уверенностью назвать новацией 1990-х годов. Более того, данный метод, несмотря на свои плюсы и минусы, делал отношения двух стран «нормальными», претворяя в жизнь стремление Японии вести активную внешнюю политику.

Японский МИД попытался продвинуть *дипломатию лицом к лицу* на высший уровень, поддержав формат «встреч без галстуков». Близкий к принятию решений в японском правительстве в этот период Судзуки Мунэо полагал, что именно в неформальной обстановке, «лицом к лицу» может быть применен японский принцип «хоннэ» (истинное мнение), предполагающий искренний обмен мнениями и стремление принять компромиссное решение [13, с. 178]. В японской практике «хоннэ» не может быть применен в ходе официальных переговоров, где предлагается уже готовое, детально согласованное решение. Судзуки Мунэо выступил как представитель японской традиционной культуры, для которой характерно стремление обеих сторон найти взаимоприемлемое решение [16, с. 18]. Столкнувшись с тем, что в российской культуре, подобно японской, кулуарное принятие решений является нормой, «русская школа» МИД и поддерживавший их Судзуки наложили на российские реалии японские традиционные принципы, такие как «хоннэ» и «нэ-маваси», и попытались применить их.

В то же время при анализе российской политической культуры Судзуки и Сато отметили важность фактора «престижа и уважения» в глазах окружающих, заключающегося в щепетильном, с точки зрения японцев, внимании русских к мелочам [13, с. 177]². Судзуки Мунэо писал, что во время встречи крайне важно уделить внимание каждому из участников, пожать ему руку, так как любое невнимание может вызвать негативную реакцию и обиду со стороны русского человека [13, с. 177]. Эти замечания свидетельствуют о серьезной проделанной японскими политиками и дипломатами работе по анализу российской политической культуры.

Перед началом переговоров, японская дипломатия выделила для себя два вопроса: развитие российско-японского экономического сотрудничества и «решение проблемы мирного договора», так как его «нерешенность», по мнению японских дипломатов, несет угрозу дестабилизации в регионе [4, с. 236]. Тем не менее, несмотря на упор на «территориальную проблему», японский МИД не отрицал жизненной необходимости для японских государственных интересов наращивать сотрудничество с Россией.

Подготовка японского премьер-министра Хасимото к «встречам без галстуков» с президентом Б. Н. Ельциным

Первая встреча премьер-министра Хасимото Рютаро и президента России Б. Н. Ельцина состоялась 1–2 ноября 1997 г. недалеко от Красноярска. Японского премьер-министра тщательно готовили к этой неформальной встрече: Судзуки Мунэо, Того Кадзухико и Сато Масару в конце октября того же года провели для него специальную лекцию. Это событие подробно описано в воспоминаниях Судзуки Мунэо³. Он писал, что главной их целью во время подготовки переговоров было создание линии «Ельцин — Хасимото», наподобие линии «Рон — Ясу» [13, с. 179]. Они применили прецедент тесного личного диалога между президентом США Рональдом Рейганом и премьер-министром Японии Накасонэ Ясухиро, установленного в 1980-е годы и характеризовавшегося регулярными консультациями по стратегическим вопросам на уровне глав государств и их ближайшего окружения. По мнению Судзуки Мунэо, переговоры с Б. Н. Ельциным были призваны стать проверкой на прочность волевых качеств премьер-министра Японии и оценкой возможностей японской дипломатии [13, с. 180].

Судзуки Мунэо, Сато Масару и Того Кадзухико готовили премьер-министра к тому, что предстоящая встреча может быть проведена в бане, так как российский президент нередко устраивал наиболее значимые переговоры именно в такой обстановке. Они провели аналогию между баней в России и традиционными ресторанами в Японии, где в отдельных кабинетах японские политики и предприниматели проводят неформальные встречи и переговоры и «принимают политические решения», и детально осветили правила поведения в русской бане [13, с. 180].

² Это обстоятельство подчеркивается и в книге Л. Лестера «Переговоры с дьяволом: русские и американцы».

³ Хотя интересно отметить, что Того Кадзухико и Сато Масару, участники лекции, не описывали этой встречи так подробно, как Судзуки. В сборнике интервью Хасимото Рютаро сведения об этой встрече вообще отсутствуют, а «встречи без галстуков» представлены бегло [17, с. 87–90].

Во-первых, Сато Масару подчеркнул, что премьер-министру не следует проявлять недовольства, когда придется погружаться в бассейн с головой (в Японии это не принято). Он особо подчеркнул, что существует вероятность, что президент России будет к нему прикасаться, но премьер-министру не следовало демонстрировать в связи с этим неприязненное отношение. Важно подчеркнуть, что в японской культуре тактильные прикосновения находятся в интимной зоне взаимоотношений между близкими людьми, членами семьи. Таким образом, премьер-министру, как представителю японской культуры, следовало отказаться от доминант традиционной японской линии поведения и принять русские «правила игры».

Во время лекции премьер-министр Японии открыто демонстрировал свое негативное отношение к необходимости следовать русским традициям во время посещения бани, однако Сато Масару и Судзуки Мунэо призывали его не показывать своего недовольства при Б. Н. Ельцине, так как это может создать негативный эффект и вызвать недоверие со стороны российского президента [13, с. 180–181], в то время как японская дипломатия ставила своей целью заручиться доверием с его стороны.

Затем Судзуки Мунэо и Сато Масару указали на тонкий нюанс, заключавшийся в том, что премьер-министру придется несколько раз заходить в парную. Тем самым, по их мнению, он должен был подтвердить присутствие духа и продемонстрировать российскому лидеру свою непреклонность по поводу выбранного политического курса [13, с. 182].

Во-вторых, Судзуки Мунэо и Сато Масару исходили из того, что необходимо установить между Б. Н. Ельциным и Хасимото Рютаро отношения «ученика — учителя», которые призваны укрепить атмосферу личного доверия. Они предполагали, что в случае, если Б. Н. Ельцин выступит в роли «учителя», это сможет польстить ему и позитивно скажется на установлении доверительных отношений с японским премьером. На практике, как писал Судзуки Мунэо, такая связь могла возникнуть при посещении бани, когда российский президент будет «учить» премьер-министра Японии пользоваться в бане веником (для японской культуры такой способ мытья нехарактерен). Отношения «ученика — учителя» были созданы, как писал Судзуки Мунэо, но в роли «учителя» выступил японский премьер-министр. Он подарил российскому президенту фотоаппарат с выдвигающимся объективом и объяснил, как им пользоваться. Судзуки Мунэо и Сато Масару расценили этот эпизод как успех японской дипломатии [13, с. 182].

В-третьих, и на встрече с Хасимото Рютаро, и годом позднее, при подготовке следующего премьер-министра Обути Кэйдзо, Судзуки Мунэо и Сато Масару, готовя его к встрече с российским президентом, говорили о важности для русских «мужского тройного поцелуя». Для японской культуры такое проявление симпатии между малознакомыми людьми совершенно нехарактерно. Сато Масару и Судзуки Мунэо пришлось приложить немало усилий, чтобы объяснить Хасимото Рютаро и Обути Кэйдзо, что им придется подчиниться российским традициям, если они намерены достичь поставленной цели. Судзуки Мунэо писал по этому поводу: «Мне-то уже доводилось испытать на себе русский поцелуй взапас. Однако, если мы откажемся от такого проявления любви и доверия, этим мы можем оскорбить гордость своего партнера по переговорам. Для русских людей такое становится неизлечимой раной на всю жизнь» [13, с. 181].

Очевидно, что Сато Масару, Судзуки Мунэо и Того Кадзухико стремились наиболее полно проанализировать характер российского президента. На основе своего анализа они попытались выработать рабочую схему, которую японская дипломатия смогла бы применить на переговорах с целью получения наибольшей выгоды.

Сато Масару обобщил личный опыт переговоров в русской бане и информацию, которую он получал относительно проведения подобных встреч, и сделал вывод о том, что для России того периода актуален механизм «банной политики» (сауна сэйдзи) [18, с. 237–239]. Принципиально важным, по его мнению, моментом становилась интимность обстановки и возможность ведения переговоров лично между двумя участниками, которые и принимают итоговое решение. Он писал о примерах проведения переговоров в таком формате как между политиками, так и между предпринимателями. Однако, как отметил Судзуки Мунэо, из-за недавно перенесенной Б. Н. Ельциным операции на сердце посещение бани в Красноярске не состоялось. Таким образом, данный механизм применен не был [13, с. 182].

Непосредственной подготовкой переговоров в Красноярске и Каване в 1997–1998 гг. со стороны Министерства иностранных дел занимался представитель «русской школы» заместитель министра Тамба Минору и группа его подчиненных⁴, а также Того Кадзухико, на тот момент директор Департамента договоров.

Перед началом встречи в Красноярске в «русской группе» возникла идея о том, что проблема мирного договора должна быть решена до конца 2000 г., чтобы в XXI в. не сохранялись нерешенные противоречия между двумя странами [19]. Японские дипломаты поставили своей целью донести эту идею до российского президента.

Заместитель министра иностранных дел Тамба Минору сопровождал японского премьер-министра на встрече в Красноярске, российского президента сопровождали Б. Немцов и С. Ястржембский. В ходе переговоров между помощниками лидеров Японии и России японская сторона предложила озвучить идею о заключении договора о дружбе до конца 2000 г. Это предложение было передано российскому президенту, и его помощники утром 2 ноября передали японским участникам, что российский президент дал свое согласие [19]. В российской и японской прессе эта задумка прозвучала как предложение российского президента, который подвергся в связи с этим резкой критике внутри страны [20; 21]. Очевидно, японская сторона настояла на том, чтобы это предложение прозвучало со стороны российского президента с целью загнать его в «ловушку» и требовать выполнения данного обещания. Такой механизм давления может действовать в Японии, так как выполнение данного обещания является одной из важнейших социокультурных ценностей. Однако российская сторона ни в культурном, ни в политическом плане такому сценарию развития событий не последовала, мотивировав отказ резкой критикой со стороны общества. В своих мемуарах первый президент России писал, что осознавал необходимость решения территориального вопроса, но реального решения не видел. Более того, он отдавал приоритет развитию совместных

⁴ Тамба Минору родился в 1937 г. на Сахалине (тогда преф. Карафуто) и после того, как советские войска заняли Южный Сахалин, был отправлен в Японию. У него и его родителей были многочисленные русские друзья, так как его отец был директором деревообрабатывающего завода на Сахалине. Тамба Минору окончил привилегированный Токийский университет и пятью годами ранее Того Кадзухико поступил на службу в МИД. Именно он является одним из основателей «русской школы» МИД и влиятельнейшим дипломатом на российском направлении.

хозяйственно-экономических связей на Дальнем Востоке [22, с. 137]. Несмотря на эти обстоятельства, японская сторона восприняла «неожиданное предложение» Б. Н. Ельцина в качестве потенциальной возможности.

«Каванское предложение» (апрель 1998 г.) — тактика «странения»

В период подготовки ответной встречи в Японии, которая состоялась 18–19 апреля 1998 г. в небольшом городе Кавана, японская сторона выработала неожиданное предложение, которое было озвучено в ходе встречи. Японская сторона предлагала не совершать акт передачи островов, а демаркировать линию государственной границы. В основу японского предложения легли два исторических прецедента. Во-первых, японские дипломаты предложили провести государственную границу по линии 1855 г., которая была определена «Симодским трактатом» и пролегла между Урупом и Итурупом. Во-вторых, японский МИД учел опыт российско-китайских переговоров и подписание договора о демаркации границы в ноябре 1997 г. [23]. Такая тактика ведения переговоров в российской литературе называется тактика «странения» (от слова «странный») [24, с. 253]. Она состоит в том, чтобы рассмотреть привычное предложение в неожиданно новом ракурсе. Прием новых предложений пользуются с целью стимуляции переговоров и выхода из тупика. А во время проведения переговоров «территориальная проблема», решения которой добивалась Япония, находилась в тупиковом положении.

Сато Масару рассматривал «каванское предложение» в качестве «запасного плана» (рэй но ан) — МИД, по его словам, ранее не прибегал к такой практике [25, с. 279–280]. Хотя содержание «каванского предложения» по сути оставалось неизменным, для японской дипломатии такой план был новаторством. Японская сторона на протяжении нескольких десятилетий придерживалась неизменной линии, состоявшей в требовании «единовременной передачи четырех островов». С этой точки зрения «каванское предложение», несомненно, стало нетривиальным решением, однако так как в основе лежали неизменно сохраняемые территориальные претензии к России, то российскую сторону такой сценарий удовлетворить не мог.

В ходе официального визита премьер-министра Обути Кэйдзо в Москву в ноябре 1998 г. президент России ответил отказом на данное предложение [26, с. 209–210]. На переговорах в Москве Б. Н. Ельцин, в свою очередь, выдвинул контрпредложение о заключении двух договоров: о дружбе и о границах, которое не было поддержано японской стороной [27, с. 9–10].

Однако двум сторонам удалось существенно укрепить экономические отношения, что было зафиксировано в «Московской декларации об установлении со-зидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией» [28]. Важно подчеркнуть, что, несмотря на необходимость для Японии обладать стабильными экономическими и политическими отношениями с Россией в целях обеспечения региональной безопасности для самой Японии, в японском правительстве есть влиятельная группа политиков и дипломатов (в основном «американисты»), считающих, что приоритетом японской политики должно оставаться решение «территориального вопроса» в пользу Японии. Они считают, что экономические связи следует развивать только после решения этого принципиального для Токио вопроса. Сато Масару назвал видного политика из их числа — бывшего заместителя ми-

нистра иностранных дел Яти Сётаро, одного из лидеров «американской школы». Сегодня он специальный консультант секретариата Кабинета министров Японии и занимает пост директора Департамента государственной безопасности [29]. Со слов Сато Масару, Яти Сётаро резко критиковал позицию Тамба Минору и Того Кадзухико во время российско-японских переговоров второй половины 1990-х годов и считал, что японская дипломатия должна в первую очередь заниматься решением вопроса «северных территорий» и не улучшать российско-японские связи до его решения [25, с. 273].

Тем не менее в 1990-е годы «русскую школу» объединял позитивный взгляд на будущее российско-японских отношений. В одном из интервью российским журналистам Тамба Минору заявил: «Сейчас всех членов “русской” группы объединяет стремление активно развивать японо-российские отношения. Мы считаем, что именно это сейчас отвечает национальным интересам Японии» [30].

Заключение

Российско-японские переговоры на высшем уровне в 1997–1998 гг. стали для японской стороны площадкой для применения разнообразных дипломатических методик, таких как тактика «странения», метод «ловушки» и др. В преддверии этих встреч был разработан подход, получивший название «дипломатия лицом к лицу», который стал базовым идейным компонентом японской политики в период проведения «встреч без галстуков» между президентом Б. Н. Ельциным и премьер-министром Хасимото Рютаро. Прочие методики, рассмотренные в статье, свидетельствуют о том, что японский МИД в середине 1990-х годов стал пользоваться обширным набором методов и тактических приемов на российском направлении, стремясь, с одной стороны, добиться реализации своих территориальных требований. С другой стороны, такой обширный дипломатический инструментарий может служить показателем наличия потенциала у японской стороны к поиску взаимоприемлемых компромиссов в разрешении имеющихся в российско-японских отношениях проблем.

Литература

1. Hasegawa Tsuyoshi. Japanese strategic thinking toward Asia in the first half of 1990s // Japanese strategic thoughts toward Asia / G. Rozman, K. Togo, J. P. Ferguson. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 57–78.
2. Inoguchi Takashi. Japan's Foreign Policy in a Time of Global Uncertainty // International Journal. Japan's Global Role. 1991. Vol. 46. No. 4. P. 579–606.
3. Wada Haruki [和田春樹]. Hoppo:ryo:do mondai. Rekishi to mirai [北方領土問題. 歴史と未来]. Tokyo: Asahisensho, 1999. 396 p.
4. Togo Kazuhiko [東郷和彦]. Hoppo:ryo:do ko:sho: hiroku. Ushinawareta godo no kikai [北方領土交渉秘録. 失われた五度の機会]. Tokyo: Shinchosya, 2007. 429 p.
5. Daiissyō: so:katsu — kyūjūyūrokunenn no kokusaishakai to nihongaiko: [第1章 総括 - 96年の国際社会と日本外交] // Gaiko:seisyō senkyū:hyakukyū:juu:sichinen — so:go:izon wo fukamarusekai ni okeru nihon no gaiko: [外交青書 1997年 - 相互依存の深まる世界における日本の外交] // MOFA. GO.JP. Официальный сайт МИД Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/97/1st/chapt1-1.html> (дата обращения: 22.02.2016).
6. Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 24.07.1997 // JAPAN.KANTEI.GO.JP. Официальный сайт премьер-министра Японии и его кабинета. URL: <http://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html> (дата обращения: 28.05.2014).

7. *Высоков М. С.* Курильские острова в 90-е годы XX столетия // KURILES-HISTORY.RU История курильских островов. Проект «История Курильского архипелага с древнейших времен до начала XXI столетия» / Сахалинский государственный университет. URL: <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/23/> (дата обращения: 17.12.2015).
8. Higashi Aja senryaku. 1997–1998 [東ア ジア 戦 略 概 観]. Tokyo: Vo:eikenkyu:jo, 1998. 206 p.
9. *Иванов А. В.* Российско-японские отношения: вчера, сегодня, завтра // Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерения: Сб. статей / Ин-т междунар. исслед. М.: МГИМО — Университет, 2009. С. 73–139.
10. Япония. Как ее понять: очерки современной японской культуры / ред. Р. Дж. Дэвис, Осаму Икэно; пер. с англ. Ю. Е. Бугаева. М.: АСТ; Астрель, 2008. 318 с.
11. *Лукашук И. И.* Искусство деловых переговоров. М.: Изд-во «БЕК», 2002. 208 с.
12. Muneo no ayumi [鈴木宗男の歩み] // DAICHI. GR. JP. Сайт политической партии Синто дай-ти. URL: <http://www.daichi.gr.jp/profile.html> (дата обращения: 16.12.2015).
13. *Suzuki Muneo* [鈴木宗男]. Omei. Kokka ni jinsei wo ubawareta otoko no kokuhaku [汚名. 国家に人生を奪われた男の告白]. Tokyo: Kodansha, 2009. 315 p.
14. *Лестер Л.* Переговоры с дьяволом: русские и американцы. 2016. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=IS-UCwAAQBAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=ru> (дата обращения: 19.02.2016).
15. *Sato Masaru* [佐藤優]. Jikaisuru teikoku [自壊する帝国]. Tokyo: Shinchosha, 2006. 414 p.
16. Политическая система современной Японии / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013. 384 с.
17. Hishimoto Ryutaro: gaiko: kaikoroku [橋本龍太郎外交回顧録] / ed. Iokibe Makoto [五百旗頭真], Miyagi Taizo [宮城大蔵]. Tokyo: Iwanamo shoten, 2013. 208 p.
18. *Sato Masaru* [佐藤優]. Kokka no wana. Gaimusho: no rasupuchin to yobarete [国家の罠. 外務省のラスプーチンと呼ばれて]. 19th ed. Tokyo: Shinchosha, 2014. 550 p.
19. *Иванов А.* Новая проблема 2000 года // Коммерсантъ-Власть. 12.10.1999.
20. *Савенков Ю.* Судьба Южных Курил осталась в тайне. Но зато Ельцин и Хасимото теперь на «ты» // Известия. 04.11.1997. № 210 (25 063).
21. *Головнин В.* Ельцин изумил японцев // Известия. 04.11.1997. № 210 (25 063).
22. *Ельцин Б. Н.* Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: АСТ, 2000. 426 с.
23. Постановление о демаркации российско-китайской государственной границы на ее западной части от 22 ноября 1997 г. № 1464 г. Москва // PRAVO.GOV.RU. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102050287&page=1&rdk=1&intelsearch=%EE+%EA%EE%ED%EE%F0%EE%EB%E5+%E7%E0+%F1%EE%EE%F2%E2%E5%F2%F1%F2%E2%E8%E5%EC+%F0%E0%F1%F5%EE%E4%EE%E2+%EB%E8%F6++&link_id=710 (дата обращения: 25.02.2016).
24. *Скибицкий Э. Г., Скибицкая И. Ю.* Основы делового общения. Новосибирск: НГАСУ, 2008. 388 с.
25. *Sato Masaru* [佐藤優]. Ko:sho:jutsu [交渉術]. Tokyo: Bungeishunjuu:, 2011. 527 p.
26. *Saito Motohide* [斎藤元秀]. Rosia no gaiko:seisaku [ロシアの外交政策]. Tokyo: Keiso:shobo:, 2004. 312 p.
27. *Малашевская М. Н.* Российско-японские переговоры на высшем уровне (1997–1998 гг.): новые тенденции в развитии двухсторонних отношений // Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. 2014. № 4. С. 5–14.
28. Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией // Новое издание совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. М.; Токио: МИД РФ и МИД Японии, 2001. С. 14–20.
29. Yachi Shotaro: // CAS.GO.JP. Официальный сайт секретариата Кабинета министров Японии. URL: http://www.cas.go.jp/jp/gaiyou/kanbu/2013/yachi_shoutarou.html (дата обращения: 04.02.2016).
30. Тамба Минору: мы предлагаем Москве приемлемый вариант. (Интервью с Тамба Минору) // Коммерсантъ. 12.10.1999. № 186.

Для цитирования: Малашевская М. Н. Методы ведения переговоров МИД Японии на примере российско-японских встреч на высшем уровне в 1997–1998 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 4. С. 100–112. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.411.

References

1. Hasegawa Tsuyoshi. Japanese strategic thinking toward Asia in the first half of 1990s. *Japanese strategic thoughts toward Asia*. Eds. G. Rozman, K. Togo, J. P. Ferguson. New York, Palgrave Macmillan, 2007, pp. 57–78.
2. Inoguchi Takashi. Japan's Foreign Policy in a Time of Global Uncertainty. *International Journal. Japan's Global Role*, 1991, vol. 46, no. 4, pp. 579–606.
3. Wada Haruki. *Hoppo:ryo:do mondai. Rekishi to mirai*. Tokyo, Asahisensho, 1999. 396 p.
4. Togo Kazuhiko. *Hoppo:ryo:do ko:sho: hiroku. Ushinawareta godo no kikai*. Tokyo, Shinchosya, 2007. 429 p.
5. Daiissy: so:katsu — kyuujuurokunenn no kokusaishakai to nihongaiko: Gaiko:seisyo senkyu:hyakukyu:ju:sichinen — so:go:izon wo fukamarusekai ni okeru nihon no gaiko: *Official web-site of MOFA*. Available at: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/97/1st/chapt1-1.html> (accessed: 22.02.2016).
6. Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 24.07.1997. *Official web-site of Prime-minister and his cabinet*. Available at: <http://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html> (accessed: 28.05.2014).
7. Vysokov M.S. Kuril'skie ostrova v 90-e gody XX stoletia [Kuril Islands in 1990's]. *Istoriia kuril'skikh ostrovov. Proekt "Istoriia Kuril'skogo arhipelaga s drevneishikh vremen do nachala XXI stoletia"*. *Sakhalinskii gosudarstvennyi universitet [The history of Kuril Islands. Project "History of Kuril Islands from ancient times to the beginning of XXI century"*. Sakhalin State University]. Available at: <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/23/> (accessed: 17.12.2015). (In Russian)
8. *Higashi Ajia senryaku. 1997–1998*. Tokyo, Bo:eikenkyu:jo, 1998. 206 p.
9. Ivanov A.V. [Russian-Japanese relations: yesterday, today, tomorrow]. *Iaponiia v Vostochnoi Azii: vnutrennee i vneshnee izmereniia: Sb. statei [Japan in East Asia]*. Moscow, MGIMO — Universitet Publ., 2009, pp. 73–139. (In Russian)
10. *Iaponiia. Kak ee poniat': ocherki sovremennoi iaponskoi kul'tury [Japan. How can we understand it: articles about the Japanese culture]*. Eds. R. Dzh. Devis, Osamu Ikeno; transl. from engl. Iu. E. Bugaev. Moscow, AST, Astrel', 2008. 318 p. (In Russian)
11. Lukashuk I.I. *Iskusstvo delovykh peregovorov [The Art of negotiations]*. Moscow, BEK Publ., 2002. 208 p. (In Russian)
12. Muneo no ayumi. *Web-site of political party Shinto daichi*. Available at: <http://www.daichi.gr.jp/profile.html> (accessed: 16.12.2015).
13. Suzuki Muneo. *Omei. Kokka ni jinsei wo ubawareta otoko no kokuhaku*. Tokyo, Kodansha, 2009. 315 p.
14. Lester L. *Peregovory s d'iavolom: russkie i amerikantsy [The negotiations with devil: Russians and Americans]*. 2016. Available at: <https://play.google.com/books/reader?id=IS-UCwAAQBAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=ru> (accessed: 19.02.2016). (In Russian)
15. Sato Masaru. *Jikaisuru teikoku*. Tokyo, Shinchosha, 2006. 414 p.
16. *Politicheskaiia sistema sovremennoi Iaponii [Political system of contemporary Japan]*. Ed. by D.V. Strel'tsov. Moscow, Aspekt Press, 2013. 384 p. (In Russian)
17. *Hishimoto Ryutaro: gaiko: kaikoroku*. Eds. Iokibe Makoto, Miyagi Taizo. Tokyo, Iwanamo shoten, 2013. 208 p.
18. Sato Masaru. *Kokka no wana. Gaimusho: no rasupuchin to yobarete*. 19th ed. Tokyo, Shinchosha, 2014. 550 p.
19. Ivanov A. *Novaia problema 2000 goda [New problem of 2000 year]*. *Kommersant'-Vlast' [Kommersant-Governance]*, 12.10.1999. (In Russian)
20. Savenkov Iu. Sud'ba Iuzhnykh Kuril ostalas' v taine. No zato El'tsin i Khasimoto teper' na "ty" [The fate of Sothern Kuril Islands is still a secret. But Eltsin and Hashimoto are friends from now]. *Izvestia*, no. 210 (25063), 04.11.1997. (In Russian)
21. Golovnin V. El'tsin izumil iapontsev [Eltsin surprised Japanese]. *Izvestia*, no. 210 (25063), 04.11.1997. (In Russian)
22. El'tsin B.N. *Prezidentskii marafon. Razmysleniia, vospominaniia, vpechatleniia [Presidents marathon. Thoughts, memories, impressions]*. Moscow, AST Publ., 2000. 426 p. (In Russian)
23. Postanovlenie o demarkatsii rossiisko-kitaiskoi gosudarstvennoi granitsy na ee zapadnoi chasti ot 22 noiabria 1997 g. № 1464 g. Moskva [Resolution of Russian-Chinese state boarder demarcation on its western part. 22.11.1997. No. 1464 r. Moscow]. *Official internet portal of law information*. Available at: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102050287&page=1&rdk=1&intelsearch=%EE+%EA%EE%ED%

EE%F0%EE%EB%E5+%E7%E0+%F1%EE%EE%F2%E2%E5%F2%F1%F2%E2%E8%E5%EC+%F0%E0%F1%F5%EE%E4%EE%E2+%EB%E8%F6++&link_id=710 (accessed: 25.02.2016). (In Russian)

24. Skibitskii E. G., Skibitskaia I. Iu. *Osnovy delovogo obshcheniia* [The base of business negotiations]. Novosibirsk, NGASU Publ., 2008. 388 p. (In Russian)

25. Sato Masaru. *Ko:sho:jutsu*. Tokyo, Bungeishunjuu, 2011. 527 p.

26. Saito Motohide. *Rosia no gaiko:seisaku*. Tokyo, Keiso:shobo:, 2004. 312 p.

27. Malashevskaya M. N. Rossiisko-iaponskie peregovory na vysshem urovne (1997–1998 gg.): novye tendentsii v razvitiu dvukhstoronnikh otnoshenii [Russian-Japanese high-level negotiations (1997–1998): new tendencies in the bilateral relations]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian studies. African studies*, 2014, issue 4, pp. 5–14. (In Russian)

28. [Moscow Declaration on Building a Creative Partnership between Japan and the Russian Federation. 1998]. *Novoe izdanie sovместного сборника документов po istorii territorial'nogo razmezhevaniia mezhdu Rossiei i Iaponiei* [The new edition of the joint collection of documents on history of territorial delimitation between Russia and Japan]. Moscow, Tokio, MID RF i MID Iaponii, 2001, pp. 14–20. (In Russian)

29. Yachi Shotaro. *Official web-site of the secretariat of Cabinet ministers of Japan*. Available at: http://www.cas.go.jp/jp/gaiyou/kanbu/2013/yachi_shoutarou.html (accessed: 04.02.2016).

30. Tamba Minoru: my predlagaem Moskve priemlemy variant. (Interv'iu s Tamba Minoru) [Tamba Minoru: we suggest acceptable plan to Moscow]. *Kommersant*, no. 186, 12.10.1999.

For citation: Malashevskaya M. N. Japan MOFA diplomacy methods on the Russian direction during Japan-Russia high-level negotiations in 1997–1998. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, 2016, issue 4, pp. 100–112. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.411.

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2016 г.
Статья рекомендована в печать 8 сентября 2016 г.

Контактная информация

Малашевская Мария Николаевна — магистр; m.malashevskaya@spbu.ru,
malashevskaya@gmail.com

Malashevskaya Maria N. — Master; m.malashevskaya@spbu.ru, malashevskaya@gmail.com